

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИИ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Николай Иванович Карбаинов (n_karbainov@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карбаинов Н.И. (2025) Образ Петра I в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые исторические представления. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 196–218. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.9>
EDN: LHCUZQ

Аннотация. В рамках доминирующей версии татарской национальной истории интеллектуальными элитами постсоветского Татарстана конструируется и транслируется в массовое сознание негативный образ Петра I как «гонителя мусульман» и «врага татарского народа». Эта версия вступает в противоречие с образом Петра I как «великого императора», который создается и транслируется в рамках общефедеральной российской истории. Результаты нашего исследования показали, что представители политической элиты Татарстана в своих публичных выступлениях, в отличие от интеллектуальных элит, позитивно оценивают деятельность Петра I. Анализ материалов интервью и анкетного опроса демонстрирует, что большинство жителей Казани высоко и положительно оценивают роль Петра I в истории России и Татарстана и респондентами Петр I рассматривается прежде всего как исторический деятель общероссийского масштаба и в меньшей степени как личность, оказавшая влияние на историю Татарстана и татарского народа. Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что негативные оценки деятельности Петра I, которые даются татарской интеллектуальной элитой, слабо представлены как во взглядах политической элиты республики, так и в массовом сознании жителей Казани вне зависимости от этнической и возрастной принадлежности.

Ключевые слова: историческая политика, национальная история, массовые представления, Татарстан, Петр I.

Император Петр I — одна из центральных фигур российской истории. Его роль в основном оценивается в позитивных тонах. Во главе с Петром I Россия одержала победу в Северной войне над Швецией. Петр I «отрезал бороды боярам», основал Санкт-Петербург и «прорубил окно в Европу» ... Образ великого императора транслируется посредством учебников по истории, научно-популярной и художественной литературы, кинопродук-

ции, СМИ и других инструментов в массовое историческое сознание россиян.

Ключевыми центрами формирования доминирующей общенациональной версии российской истории, важное место в которой отводится деятельности Петра I, являются Москва и Санкт-Петербург. Но помимо общероссийской истории, создаваемой в столицах, во многих регионах Российской Федерации существуют свои региональные версии истории (Миллер, Малинова, Ефременко 2023). Как правило, эти региональные версии комплементарны со столичной историей, но в ряде случаев содержат интерпретации и оценки тех или иных исторических событий и деятелей, которые противоречат общенациональной версии истории России. Особенно много таких конфликтов в интерпретациях и оценках имеют национальные истории, которые активно конструируются после распада СССР в некоторых республиках Российской Федерации (Shnirelman 1996; Аймермахер, Бордюгов 1999; Бомсдорф, Бордюгов 2009 и др.).

Подобные конфликты интерпретаций и оценок являются результатом политизации прошлого в контексте определенной исторической политики (Миллер, Липман 2012). В этом случае, как отмечает А.И. Миллер, исследователи должны сосредоточиться «не только, и даже не столько на различных интерпретациях *прошлого* в рамках исторической политики, сколько на вопросах об акторах, институтах, методах этой политики» (Миллер 2012: 12).

Историческое прошлое один из важных ресурсов построения национальной идентичности. Общим местом во многих теориях национализма выступает аргумент о политических и интеллектуальных элитах как ключевых акторах конструирования национальных историй (Gellner 1983; Anderson 1983). Исходя из логики данного аргумента рядовые члены (этно) национальных групп являются пассивными потребителями образов исторического прошлого, которые создаются элитами. Это приводит нередко к отождествлению исторических образов, конструируемых элитами, с историческими представлениями обывателей (Карбаинов, Галиндабаева 2021: 176). По этому поводу Р. Брубейкер отмечает, что исследования коллективной памяти в основном «фокусируются на конструкции, а не на рецепции, на главных героях в битвах за память, а не на реакциях обычных людей» (Brubaker 2006). По его мнению, в подобных исследованиях преувеличивается «резонанс и важность исторической памяти для тех, кто не принимает участие в ее производстве и воспроизводстве» и нередко презентистская реконструкция прошлого не находит отклика у широкой публики (Brubaker 2006).

Критические замечания, высказанные Брубейкером относительно зарубежных исследований, справедливы и в отношении многих отечественных работ в области изучения исторической политики, например в отношении публикаций В.А. Шнирельмана (Shnirelman 1996). В его работах этнические группы выступают в качестве ключевых субъектов в борьбе за «славное прошлое» с другими этническими группами (Shnirelman 1996: 2). При этом В.А. Шнирельман признает, что историческую продукцию производит небольшой круг интеллектуалов, но в силу того, что интеллектуалы пишут школьные учебники по истории, их исторические взгляды через систему народного образования распространяются на большинство рядовых представителей своей этнической группы (Shnirelman 1996: 4). С одной стороны, можно согласиться с последним тезисом о том, что система образования в некоторых случаях играет важную роль в формировании исторических представлений народных масс, с другой стороны, историческая политика элит в иных случаях может оказаться неэффективной, и дискурсы элит могут серьезно расходиться со взглядами простых людей. По сути, для подтверждения или опровержения данного тезиса в каждом конкретном случае нужно проводить эмпирические исследования массовых исторических представлений. Таким образом, на наш взгляд, при изучении исторической политики важно исследовать не только различные интерпретации прошлого и элитных актов, формирующих эту политику, но и то, каким образом данная политика влияет на массовые представления и поведение простых граждан.

Одним из самых ярких примеров российского региона, в котором была создана своя национальная версия истории, отчасти конкурирующая с общефедеральной, выступает Республика Татарстан. Ключевую роль в конструировании национальной истории в постсоветском Татарстане сыграли республиканские политические и интеллектуальные элиты, и эта тема достаточно изучена (Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Zverev 2002). В то же время недостаточно исследована проблема влияния дискурсов национальной истории, создаваемой элитами, на массовые исторические представления рядовых жителей Татарстана. В научной литературе и источниках СМИ мы можем встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии (в том числе исторической политики) на массовые представления жителей Татарстана: 1) широкая «татаризация» и 2) «национальные архипелаги», или частичная «татаризация». В рамках первой точки зрения можно выделить, в свою очередь, еще три позиции: «татаризация сверху», «татаризация снизу» и «встречная татаризация» (Карбаинов 2018; Карбаинов, Галиндабаева 2021).

Отметим, что сторонники обоих взглядов (широкой «татаризации» и «национальных архипелагов»), как правило, опираются либо на собственные экспертные оценки (Сулейманов 2014), либо на содержательный анализ текстов, созданных представителями интеллектуальных и политических элит (Shnirelman 1996), либо на результаты культурно-антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов (Alvarez Veinguer 2007; Friedli 2012; Suleymanova 2018a и др.). Таким образом, используя результаты данных исследований, мы не можем оценить масштабы «татаризации» на уровне массовых исторических представлений в количественных показателях. В то же время аргументы о широкой «татаризации» или частичной «татаризации» (формировании «национальных архипелагов») можно использовать для выдвижения гипотез в рамках количественного социологического исследования (Карбаинов, Галиндабаева 2021).

Исходя из постановки проблемы, мы в статье ставим следующие цели: во-первых, рассмотреть образ Петра I, который конструируется элитами Татарстана в рамках национальной истории, и то, как этот образ соотносится с общенациональной версией истории; во-вторых, проанализировать образ Петра I, представленный в массовом сознании жителей Татарстана, и то, как этот образ связан с образом, создаваемым региональными элитами. В рамках статьи на примере образа Петра I, используя материалы анкетного опроса, мы отчасти проверим две альтернативные гипотезы: 1) о широкой «татаризации» и 2) частичной «татаризации».

Гипотеза о широкой «татаризации» предполагает, что трансляция национальной версии истории, конструируемой элитами Татарстана сверху и этнокультурными активистами снизу, оказалась эффективной и значительно повлияла на формирование исторической картины мира населения республики. В соответствии с этой гипотезой подразумевается, что большинство жителей Татарстана интересуются и имеют знания, а также испытывают эмоциональные переживания относительно ключевых событий и эпох, исторических деятелей национальной истории. Важными индикаторами, с помощью которых можно оценить эффективность региональных элит в формировании массовых исторических представлений жителей Татарстана, являются этническая принадлежность и возраст. Мы предполагали, что в ответах респондентов, принадлежащих к двум основным этническим группам населения Татарстана — татарам и русским, будет наблюдаться большое количество статистически значимых различий. В этом случае массовые исторические представления татар будут ближе к версии истории, конструируемой элитами Татарстана, так как национальная история, согласно теориям национализма, один из важных инструментов конструирования (этно)национальной идентичности. В то же

время представления русских респондентов будут ближе к российской или русской версии истории, транслируемой федеральными элитами. С помощью критерия «возраст» мы также проверяли предположение об эффективности исторической политики элит Татарстана. Предполагалось, что между историческими представлениями старших и младших возрастных групп будут также наблюдаться статистически значимые различия. В данном случае эти различия, вероятно, могли быть связаны с тем, что представители старших возрастных групп не получали свои знания по истории Татарстана из школьных учебников, изданных в 1990–2000-е годы, в отличие от более младших возрастных групп, которые учились по ним в школе. Альтернативой первой гипотезы является гипотеза о частичной «татаризации». Исходя из этой гипотезы, мы предполагали, что элиты Татарстана незначительно повлияли на массовое историческое сознание жителей региона. Эта гипотеза должна была подтвердиться, в том случае если меньшинство жителей Татарстана интересуются и имеют знания, а также испытывают эмоциональные переживания относительно ключевых событий и эпох, деятелей татарской национальной истории. Также о низкой эффективности исторической политики элит Татарстана будет свидетельствовать отсутствие статистически значимых различий в представлениях между татарами и русскими и между старшими и младшими возрастными группами (Карбаинов, Галиндабаева 2021: 180–181).

В статье мы используем эмпирические материалы нашего проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления». Образ Петра I, создаваемый элитами Татарстана, мы раскроем с помощью анализа учебных пособий по истории татарского народа, научно-популярной литературы, СМИ. Для анализа массовых исторических представлений воспользуемся материалами интервью с жителями Татарстана и данными анкетного опроса жителей Казани (n=1000).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы рассмотрим общие особенности исторической политики в постсоветском Татарстане. Во втором разделе покажем, какой образ Петра I производят представители элит Татарстана. Третий раздел будет посвящен тому, как представлен образ Петра I в массовом историческом сознании жителей региона.

Историческая политика в Татарстане: институты, инструменты, идеологемы

Конструирование национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной

политикой) в постсоветском Татарстане. Главными создателями национальной идеологии (в том числе национальной истории) в Татарстане являются представители татарской национальной интеллигенции при поддержке политических элит республики (Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002).

Для идеологического поля в Татарстане в 1990–2010 гг. была характерна борьба сторонников различных течений и идей, например между собой конкурировали умеренные и радикальные татарские националисты (Мухаметдинов 2006). В лагерь умеренных националистов входят представители татарской гуманитарной интеллигенции, в основном работающие в Академии наук Татарстана. К радикальным националистам можно отнести активистов таких общественно-политических движений, существовавших в 1990–2010 гг., как Всетатарский общественный центр¹, татарская партия национальной независимости «Иттифак» во главе с Фаузией Байрамовой, Союз татарской молодежи «Азатлык», Татарский патриотический фронт «Алтын Урда» и др. С конца 1980-х до 1993–1994 гг. правящая элита Татарстана активно сотрудничала с представителями татарских этнонационалистических организаций (Мухаметдинов 2006; Сергеев, Сергеева 2009). В дальнейшем власти дистанцировались от радикальных националистов, лишь изредка привлекая их для проведения митингов и пикетов (Сергеев, Сергеева 2009: 126). В то же время правящая политическая элита Татарстана продолжает сотрудничать, особенно в области исторической политики, с умеренными татарскими националистами.

Также в Татарстане действуют другие идеологические течения, сторонники которых пытаются бросить вызов доминирующей идеологии. Мы выделяем следующие оппозиционные идеологии: русскую, кряшенскую, болгарскую и тюрко-тенгрианскую. Победителями в этой идеологической борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х годов стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они формируют ключевые идеологемы официально поддерживаемой властями республики национальной идеологии Татарстана (в том числе в области исторической политики) (Карбаинов 2018).

Основными производителями и трансляторами национальной истории выступают Министерство образования и науки РТ, институты Академии наук РТ, Казанский федеральный университет и другие научные

¹ Всетатарский общественный центр признан в Российской Федерации экстремистской организацией.

и учебные заведения, издательства, музеи и т.д. (Гилязов 2000; Усманова 2003; Alvarez Veinguer 2007). Ключевыми средствами передачи дискурсов национальной истории являются учебные курсы по истории татарского народа и Татарстана в средней и высшей школе (Гилязов 2000; Гибатдинов 2003; Шнирельман 2016), СМИ (газеты, телевидение) (Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001).

Серьезные ограничения на трансляцию национальной истории Татарстана были наложены в результате исключения этнорегионального компонента из школьных программ в 2007 г. по всей России. Вследствие этого исключения история Татарстана с 2007 г. преподается в школах не как отдельный курс, а дополнительно (не более 10 академических часов) в рамках общего курса по истории России (Suleymanova 2018b: 60). Также исторические знания по истории Татарстана даются в средней школе на уроках татарского языка и литературы и (редко) на уроках обществознания. Но в этом случае большую роль, как показала Д. Сулейманова в своем исследовании, играют учителя. В татарских школах учителя могут транслировать исторические знания по истории Татарстана даже на уроках английского языка (Suleymanova 2018b).

Мы выделяем следующие ключевые взаимосвязанные и взаимодополняющие идеологемы, на основе которых конструируется национальная история татарского народа: 1) идеологема балансирования между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) идеологема пантатаризма, или татарского мира; 3) идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) идея значительного вклада татарского народа в российскую и мировую культуры; 7) тюркизм (Карбаинов, Галиндабаева 2021). Именно на пересечении данных идеологем конструируется доминирующая версия татарской национальной истории.

Взгляды элит

Национальная история татарского народа в конце 1980–1990-х годов не создавалась с чистого листа, скорее историки Татарстана обратились к историческим нарративам, созданным представителями татарского национального движения второй половины XIX — начала XX в., включая идеи участников этого движения, которые после Гражданской войны оказались в эмиграции. Так, деятель татарского национального движения начала XX в., политический эмигрант Гаяз Исхаки в работе «Идель-Урал», впервые опубликованной в 1933 г. и переизданной в Казани в 1991 г., следующим образом охарактеризовал роль Петра I в истории татар: «XVIII век был открыт репрессиями “прогрессивного” Петра I, направ-

ленными к обезличиванию тюрко-татар как на национальном и религиозном, так и на экономическом фронте» (Исхаки 1991). При Петре I «была уничтожена даже видимость Казанского ханства ... Москва “использовала случай” и образовала Казанскую губернию, поставив во главе ее губернатора. Таким образом, край, до этого официально называемый Казанским ханством, стал называться Казанской губернией. В результате этой реформы, в начале XVIII века бывшее Казанское ханство потеряло даже оставшуюся тень самостоятельности» (Исхаки 1991). Еще одним «злодеянием», с точки зрения Г. Исхаки, было то, что в 1713 г. Петр I отменил привилегии «татарских служилых людей» и поставил в качестве условия сохранения за ними поместий и вотчин их крещение, а в 1718 г. приписал служилых татар к так называемым лашманам («приписанным к корабельным работам») (Исхаки 1991).

Негативные мнения о деятельности Петра I воспроизводятся в постсоветском Татарстане в научной и публицистической литературе, материалах СМИ, создаваемых представителями татарской интеллектуальной элиты. Так, журналист Д. Семягин кратко пересказал исторические претензии татарских интеллектуалов к Петру I, но при этом отождествил их точку зрения с представлениями всех казанцев, татар: «Петр I — первый российский самодержец после Ивана IV Грозного, который побывал в Казани. Он провел несколько дней в городе в 1722 году во время своего персидского похода. И хотя пребывание Петра I было для Казани совсем не таким разрушительным, он легко может поспорить за звание самого нелюбимого казанцами самодержца с Иваном Грозным. Дело не только в изданных первым русским императором указах о “крещении иноверцев”. Татары недобрым словом упоминают еще и то самое адмиралтейство. Для заготовки леса для кораблестроения в Казанской губернии Петр I распорядился использовать государственные крестьян нерусских народов. Их называли лашманами. Большинство из них составляли татары. Так как на заготовку леса людей сгоняли за сотни верст от своих земель, а работы проводились в очень тяжелых условиях, для казанских татар это была одна из самых ненавистных повинностей» (Семягин 2015).

Такие же оценки деятельности Петра I, хотя более взвешенные и смягченные, мы можем встретить на страницах учебного пособия для 7-го класса по истории Татарстана. В частности, большое внимание уделяется политике принудительной христианизации в петровское время:

Первым решительную попытку добиться этого в XVIII веке предпринял царь Петр Алексеевич. В разные годы он подписал два грозных указа, направленных на обращение в православие татарских помещи-

ков. Указы отражали характер преобразователя России — горячий и бескомпромиссный. Поначалу Петр повелел крестить в течение полугода татар-землевладельцев, имевших русских крепостных крестьян. Затем он предписал за «невосприимчивость христианской веры» изъять у служилых татар крепостных православных крестьян с землей и имуществом (Гилязов, Пискарев 2012: 70).

Петровское время — это и новый этап христианизации нерусского населения края. Власти пытались обратить его в православие, сочетая меры принуждения и меры поощрения (Гилязов, Пискарев 2012: 71).

Авторы учебного пособия также уделяют внимание лашманам:

На Адмиралтейство работало несколько десятков тысяч «Лашманов». <...> Жили они в сырых и холодных землянках. Крепкие и толстые дубовые деревья нужно было повалить и очистить от веток. По снегу бревна волокли к берегу реки. Оттуда они уже весной, по большой воде, переплывались в Казань. Тысячи людей погибали во время этих работ. И каждое судно, построенное в Казанском адмиралтействе, было обильно полито их потом и слезами (Гилязов, Пискарев 2012: 53).

Важно отметить, что деятельность Петра I в научно-популярной и учебной исторической литературе имеет четкую региональную привязку. Татарских историков в первую очередь интересует, что делал Петр I в Среднем Поволжье (т.е. на территории современного Татарстана) и как его политика отражалась на жизни татарского народа.

В 2005 г. к празднованию 1000-летия Казани власти Санкт-Петербурга сделали подарок столице Татарстана: была реконструирована и обновлена улица Петербургская. По планам проектировщиков, на этой улице предполагалось воздвигнуть памятник Петру I. Татарская «общественности» резко выступила против установки памятника «врагу мусульман» и «русскому тирану». В результате вместо памятника российскому императору был установлен бюст Л.Н. Гумилева.

Таким образом, татарскими интеллектуалами конструируется негативно окрашенный образ Петра I как «врага татарского народа» и «врага мусульман», его ставят в один ряд с другим «гонителем» — Иваном Грозным. При этом интересно отметить, что если образ Ивана Грозного однозначно оценивается негативно (Карбаинов 2019), а деятельности Екатерины II в отношении татар даются положительные оценки (Галиндабаева 2020) в дискурсах как интеллектуальной, так и политической элиты Татарстана, то в оценках исторической роли Петра I существует расхож-

дение между мнениями татарской гуманитарной интеллигенции и мнениями представителей политической элиты региона.

Так, Р. Мухаметдинов в своей книге приводит случай, когда в одной из передач на Центральном телевидении первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева спросили: «Кого из правителей всех времен и народов Вы бы взяли за образец государственного деятеля?» На это М. Шаймиев ответил: «Петра I». Также Р. Мухаметдинов приводит цитату председателя Госсовета Татарстана Ф. Мухаметшина, который заявил, что ему «импонирует фигура Петра I как целеустремленного и решительного лидера». Подобные заявления вызвали возмущение у автора книги, который принялся обвинять их в том, что «они не знают татарскую историю даже на уровне ученика средней школы. Возникает ощущение, что они не тем народом руководят. Они ведь руководители не Вологодской области, а Татарстана» (Мухаметдинов 2006: 75–76).

Проведенный анализ высказываний представителей политической элиты республики в источниках СМИ также показывает, что в отношении Петра I встречаются либо позитивные, либо нейтральные оценки его исторической роли. Негативные оценки отсутствуют. Единственным исключением является высказывание бывшего мэра Казани Камиля Исхакова, который при этом дал амбивалентную оценку деятельности императора: «В настоящее время на протест националов публично отреагировала лишь казанская мэрия. Несколько дней назад глава города Камиль Исхаков со всей серьезностью заявил, что не ожидал такой реакции от мусульман республики и теперь ему придется еще раз проконсультироваться с питерской администрацией, чтобы решить судьбу одиозного подарка. Мэр даже в чем-то согласился с мнением националов, признав, что “в политике этого российского императора можно найти много моментов, которые были направлены против ислама и существования этой религии на территории России”. Однако, по мнению мэра, “Казань не была бы Казанью, если бы Петр I не создал здесь адмиралтейство, пороховое и суконное производства”» (Воробьева 2005).

Таким образом, взгляды элит Татарстана на деятельность Петра I разноречивы. С одной стороны, представители интеллектуальных элит создают образ Петра I как российского правителя, который негативно повлиял на историю татарского народа и транслируют этот образ через СМИ, научно-популярную и учебную литературу в массовое сознание. С другой стороны, политические деятели в публичных выступлениях воспроизводят позитивный образ «великого императора». Последнее вполне соотносится с образом Петра I, который создается в рамках общефедеральной версии истории.

Массовые представления

В этом разделе, опираясь на данные нашего социологического исследования, мы покажем, как повлияли или не повлияли взгляды элит Татарстана о Петре I на массовые представления жителей Татарстана¹. Для изучения массовых исторических представлений мы использовали как качественные, так и количественные методы исследования.

Мы провели полуструктурированные интервью с экспертами (29) и простыми жителями Татарстана (141). Экспертные интервью проводились с научными сотрудниками (в том числе с профессиональными историками), журналистами, представителями общественных движений и духовенства. Выборка с простыми жителями была построена по следующим критериям: 1) этничность (татары, русские, кряшены, болгары); 2) образование (высшее и среднее); 3) возраст (три основные группы: а) информанты до 1975 г.р.; б) информанты с 1976 по 1987 г.р.; в) информанты с 1988 до 1994 г.р.).

В путеводителе интервью не было вопросов о конкретных исторических событиях, эпохах и личностях. В том числе не было вопросов о деятельности Петра I. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства или определенной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа и т.д. Также сам информант решал, о каких конкретных исторических событиях, эпохах и личностях он может рассказать.

Поквартирный анкетный опрос (n=1000) был проведен в мае 2014 г. в городе Казани. Выборка квотная, районированная, репрезентирующая взрослое население города (18 лет и старше) по этнической принадлежности, возрасту, полу и уровню образования. Расчет квот производился на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. Структура

¹ Перед тем как перейти непосредственно к анализу эмпирических материалов, хотелось бы сказать об ограничениях нашего социологического исследования. Большинство интервью и анкетный опрос проведены в столице Татарстана Казани, которая, по мнению ряда исследователей, существенно отличается от других городов республики. Вероятно, имеются несоответствия между историческими представлениями жителей Казани и представлениями жителей других частей Татарстана, а возможно, между ними нет статистически значимых различий.

выборки: этническая принадлежность (татары — 50 %, русские — 50 %), возраст (18–24 л. — 15,5 %, 25–39 л. — 38,6 %, 40–54 л. — 19,2 %, 55 л. и старше — 26,7 %), пол (мужчины — 44,4 %, женщины — 55,6 %), уровень образования (среднее — 41,2 %, высшее — 57,3 %). В отличие от гайда интервью, анкета содержала вопросы, связанные с деятельностью Петра I.

Рассмотрим образы и оценку деятельности Петра I в массовых представлениях жителей Татарстана. Начнем с анализа интервью. Деятельности Петра I в интервью даются положительные, амбивалентные и негативные оценки. В качестве примера положительной оценки политики Петра I как государственника можно привести следующий нарратив:

Мне приходят только такие клише, которые заложили еще в школе, что Петр I был хороший, что Екатерина была хорошая... Я больше никого и не вспомню, наверное, кроме Петра и Екатерины, но вот они отпечатались в голове как клише. Что они много сделали для государства, они подняли экономику, они подняли государство, значит, они хорошие (рус., 24 г.).

Еще в одном интервью политика Петра I сравнивается с деятельностью Ивана Грозного, и Петр I, в отличие от Ивана Грозного оценивается как «положительный» и «великий» деятель:

Если так, Петр I допустим, тоже очень много [сделал], но вот он и открыл окно в Европу (смеется), но тоже вот нашел же себя как-то... От Грозного у меня как-то ассоциация осталась не очень приятная, ну вот наверное такие два лидера были такими значимыми считаю, остальных пока не припоминаю так положительно, то есть, вот Петр I для меня положительный и считается великим (тат., 38 л.).

Открытие «окна в Европу» преподносится в некоторых интервью как важное историческое достижение императора:

Петр I, наверное, окно в Европу открыл, таки для нашей для России. И: как ты это событие оцениваешь? Р: ну дал дорогу в Европу... дал путь вперед, толчок (тат., 32 г.).

В других интервью присутствуют амбивалентные оценки Петра I. Так, информантка в одной части интервью упоминает его среди исторических деятелей, которыми можно гордиться, а в другой говорит о том, что Петр I несправедливо подавлял «российский уклад»:

Я горжусь Петром I, Екатериной II Великой, горжусь Сталиным, и Шаймиевым, и Путиным на данный момент я тоже горжусь... Про Петра I я такого же не могу сказать, хоть он и многое значит для

истории. Несправедливо было подавлять российский уклад ради западного. Конечно, это пошло на пользу, что мы стали ближе к западу, прорубил окно на запад, но было несправедливо заставлять людей отрезать бороду или иначе они должны были платить штраф, это слишком. Как личность, он к своему сыну несправедливо относится (тат., 22 г.).

В другом интервью информант, наоборот, считает Петра I справедливым, хотя и жестоким правителем. При этом по мнению информанта жестокость императора была оправданной:

Царей было много. Петр I был справедливый, но жестокий, потому что в его время по-другому нельзя было, он строил флот, города. Если бы он сюсюкал, они бы ничего не добились, он сам работал как лошадь, но и другим спуска не давал. Кто-то справедливым его считал, кто-то тираном (тат., 61 г.).

Встречаются в материалах интервью и негативные оценки. Так, отвечая на вопрос о «золотом веке» в истории нашей страны, респондент ответил:

В Европе вроде Возрождение считается, у нас в России что там считается? Что можно было бы считать? Времена Петра I — дремучие времена. Вообще, все, что связано с правлением одного человека, это все дремуче, воля одного человека — это кошмар какой-то (тат., 26 л.).

Важно отметить, что в материалах интервью мы не обнаружили образ Петра I, который конструируется татарской гуманитарной интеллигенцией. Например, в интервью как с русскими, так и татарами мы не увидели образа Петра I как «гонителя мусульман» и «врага татарского народа». Также отсутствует привязка образа Петра I к региону Среднего Поволжья. Скорее фигура Петра I встраивается в контексты общероссийской истории.

Далее перейдем к результатам анкетного опроса. Результаты предыдущих социологических опросов, проведенных в Татарстане, показали, что Петр I имеет высокую популярность среди респондентов. Так, в исследовании 2001 г. Петр I очутился в четверке самых популярных выдающихся людей прошлого и современности, к которым респонденты чувствовали уважение (Бондаренко 2001: 262). В другом исследовании, проведенном в Казани в 2007 г., Петр I оказался во главе списка самых популярных исторических деятелей (Копосов 2011: 171–172).

В рамках анкетного опроса нас интересовали исторические представления респондентов как об истории России, так и об истории Татарстана.

На вопрос о наиболее интересных эпохах в истории России 24,1 % жителей (25,6 % татар и 22,6 % русских)¹ ответили, что интересуются эпохой Петра I. Больше вызывает интерес у респондентов только история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Наиболее интересные эпохи в истории России
(распределение по этническим группам), %²**

Какие эпохи в истории России наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	28,8	27,1	28
Эпоха Петра I	25,6	22,6	24,1
Время царствования Екатерины II	20,2	20	20,4

Практически для всех возрастных групп респондентов (за исключением группы 40–45 лет) наибольший интерес вызывает Великая Отечественная война 1941–1945 гг., а на втором месте по интересу расположилась эпоха Петра I. Только для 40–45-летних эпоха Петра I вызывает наивысший интерес (табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее интересные эпохи в истории России
(распределение по возрастным группам), %**

Какие эпохи в истории России наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	31,0	27,7	25,5	27,0
Эпоха Петра I	24,5	20,5	30,2	23,6
Время царствования Екатерины II	18,1	17,1	26,0	15,0
1990-е годы	15,5	11,9	14,1	6,4
Киевская Русь	9,7	14,0	19,3	13,5

В истории Татарстана респондентов больше интересует история Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Эпоха Петра I в исто-

¹ Проценты во всех таблицах даются от числа опрошенных респондентов.

² В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не в том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

рии Татарстана вызывает меньший интерес у жителей Казани — 12,4 % (11,4 % татар и 13,4 % русских) (табл. 3).

Таблица 3

**Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана
(распределение по этническим группам), %**

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Волжская Булгария	40	28,7	34,3
Золотая Орда	20,9	19,1	20
Казанское ханство	23,9	16,1	20
Эпоха Петра I	11,4	13,4	12,4

Такое же распределение интереса характерно и для всех возрастных групп (табл. 4).

Таблица 4

**Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана
(распределение по возрастным группам), %**

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Волжская Булгария	32,9	35,8	38,0	28,5
Золотая Орда	22,6	23,1	18,2	14,2
Казанское ханство	21,3	22,0	17,7	16,9
Эпоха Петра I	13,6	11,1	15,6	10,5

На вопрос о «золотом веке» в истории России больше всего респондентом считают таким временем правление Петра I — 20,7 % (18,4 % татар и 23 % русских) (табл. 5).

Таблица 5

**«Золотой век» в истории России
(распределение по этническим группам), %**

Какой период истории России, на ваш взгляд, можно назвать «Золотым веком» — лучшим временем для нашей страны? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа)	Татары	Русские	Всего
Правление Петра I	18,4	23	20,7
Правление Екатерины II	14	10,6	12,3
Настоящее время	13,6	10,4	12

Подобные тенденции характерны и для распределения по возрастным группам (табл. 6).

Таблица 6

**«Золотой век» в истории России
(распределение по возрастным группам), %**

Какой период истории России, на ваш взгляд, можно назвать «Золотым веком» — лучшим временем для нашей страны? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Правление Петра I	25,8	19,2	22,9	18,4
Правление Екатерины II	10,3	14,5	10,9	12,3
Настоящее время	14,2	13,2	11,5	9,4

Первую позицию в списке выдающихся личностей, сыгравших наиболее значимую роль в истории России, по результатам нашего опроса, так же как и итогам опроса 2007 г. (Копосов 2011: 171–172), занял Петр I. Его выбрали 38,9 % респондентов (40 % татар и 37,8 % русских) (табл. 7).

Таблица 7

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории России (распределение по этническим группам), %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
Петр I	40	37,8	38,9
В.В. Путин	29,3	27	28,2
Екатерина II	15,8	18,8	17,3
А.С. Пушкин	16,4	17,2	16,8
И.В. Сталин	14,3	12,7	13,5

Среди всех возрастных групп респондентов Петр I также возглавил список выдающихся личностей в истории России (табл. 8).

В то же время только 5,6 % жителей Казани считают Петра I выдающейся личностью, сыгравшей значимую роль в истории Татарстана (табл. 9).

Отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории России?», 69,2 % респондентов (68 % татар и 70,4 % русских) дали положительные оценки роли Петра I, 13,5 % казанцев (11,8 %

Таблица 8

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории России (распределение по возрастным группам), %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории нашей страны? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Петр I	47,1	37,3	41,7	38,3
В.В. Путин	34,2	25,6	26,0	28,1
Екатерина II	16,1	17,4	14,6	18,7
А.С. Пушкин	15,5	14,2	18,2	19,1
И.В. Сталин	12,9	14,0	13,5	12,4

Таблица 9

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории Татарстана, %**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана? (Выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары	Русские	Всего
М.Ш. Шаймиев	53	50,4	51,7
Муса Джалиль	26,4	26,2	26,3
Габдулла Тукай	19,2	18,6	18,9
Чингисхан	12,4	15,4	13,9
Петр I	5,6	5,6	5,6

татар и 15,2 % русских) считают его роль незначительной, а 5,1 % респондентов (6 % татар и 4,2 % русских) дают его роли в истории России отрицательные оценки. Не знают такой исторической личности только 0,8 % респондентов. В то же время, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?», 55,3 % жителей Казани (55 % татар и 55,6 % русских) положительно оценивают его роль, 20,4 % (17,8 % татар и 20,6 % русских) считают, что его роль была незначительной, а 8,3 % (8,8 % татар и 7,8 % русских) респондентов дают отрицательные оценки роли Петра I в истории Татарстана.

Результаты анкетного опроса показывают, во-первых, что большинство жителей Казани высоко и положительно оценивают роль Петра I в истории России и Татарстана; во-вторых, Петр I респондентами рассматривается прежде всего как исторический деятель общероссийского

масштаба и в меньшей степени как личность, оказавшая влияние на историю Татарстана и татарского народа. Таким образом, полученные данные показывают, что негативные оценки деятельности Петра I, которые даются татарской интеллектуальной элитой, слабо представлены в массовом историческом сознании жителей Казани вне зависимости от этнической и возрастной принадлежности. В оценке деятельности Петра I отсутствуют статистически значимые различия в представлениях между татарами и русскими и между старшими и младшими возрастными группами. В данном случае мы находим подтверждение гипотезе о частичной «татаризации».

* * *

В заключение попробуем ответить на следующий вопрос: почему историческая политика по продвижению негативного образа Петра I сторонниками доминирующей версии татарской истории в массовое историческое сознание жителей Татарстана оказалась неэффективной? Первая причина — ограничения, которые ввели федеральные власти через образовательную политику (например, исключение этнорегионального компонента в учебных программах в 2007 г.). Вторая причина — историческая политика федерального центра, в рамках которой воспроизводится позитивный образ великого императора. Этот образ Петра I транслируется не только через систему образования, но и через СМИ, художественную литературу, кинопродукцию и т.д. В результате татарские интеллектуальные элиты не выдерживают конкуренции «за умы» с федеральными элитами. Третья причина — производители национальной истории Татарстана для трансляции в массовое сознание в основном используют традиционные средства передачи истории (учебники, научно-популярную литературу и др.) и мало задействуют современные средства передачи истории (интернет-технологии). Поэтому результаты нашего исследования вполне согласуются с утверждением Р. С. Хакимова о слабости эффективности исторической пропаганды татарских элит с помощью традиционных средств передачи истории, особенно среди молодежной аудитории (Хакимов 2016). Наконец, четвертая причина — многие татары не только идентифицируют себя с татарским этносом, но и считают себя россиянами. Соответственно история России является для них «своей историей», и в этой истории Петр I — великий император, который «прорубил окно в Европу», создал мощный флот и основал Санкт-Петербург.

Литература / References

Бондаренко Е.А. (2001) Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане. *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане*. Казань: Изд-во КГУ: 234–264.

Bondarenko E.A. (2001) Report on the results of the survey of ethno-national identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan. In: *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan*. Kazan: Izd-vo KGU: 234–264 (in Russian).

Галиндабаева В.В. (2020) Образы Екатерины II в постсоветском Татарстане: Эби Патша, великая императрица и проданная Аляска. *Журнал фронтальных исследований*, 3: 12–31.

Galindabaeva V.V. (2020) Images of Catherine II in Post-Soviet Tatarstan: Ebi Patsha, Great Empress and Sold Alaska. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [The journal of frontier research], 3: 12–31 (in Russian).

Гибатдинов М.М. (2003) *Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность*. Казань: Алма-Лит.

Gibatdinov M.M. (2003) *Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity*. Kazan: Institut istorii AN RT (in Russian).

Гилязов И. (2000) Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете вчера и сегодня. *Ab Imperio*, 3–4: 359–366.

Gilyazov I. (2000) From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan — yesterday and today. *Ab Imperio*, 3–4: 359–356 (in Russian).

Историческая политика в 21 веке (2012) Миллер А., Липман М. (ред.) М.: Новое литературное обозрение.

Historical Politics in the 21st Century (2012) Miller A., Lipman M. (eds.) Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Исхаков С.М. (1999) История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации». *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX: 275–298.

Iskhakov S. (1999) History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”. In: Eimermacher K., Bordyugov G. (eds.). *National histories in the Soviet and post-Soviet states*. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX (in Russian).

Карбаинов Н.И. (2018) Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Власть и элиты*, 5: 211–237.

Karbainov N.I. (2018) Ideologeme of 1552 in post-Soviet Tatarstan: elites' version and mass representations. *Vlast i elity* [Power and Elites], 5: 211–237 (in Russian).

Карбаинов Н.И. (2019) Образ Ивана Грозного в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления. *Журнал фронтирных исследований*, 4–2(16): 363–389.

Karbainov N.I. (2019) The image of Ivan the Terrible in post-Soviet Tatarstan: elites' version and mass perceptions. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [The journal of frontier research], 4–2(16): 363–389 (in Russian).

Карбаинов Н.И., Галиндабаева В.В. (2021) Цивилизационные исторические дискурсы в постсоветском Татарстане: коммеморативные проекты элит и массовые представления. *Российское общество: архитектура цивилизационного развития*. Козловский В.В. (ред.) М.; СПб.: ФНИСЦ РАН: 175–247.

Karbainov N.I., Galindabaeva V.V. (2021) Civilizational Historical Discourses in Post-Soviet Tatarstan: Commemorative Projects of Elites and Mass Representations. In: *Russian society: architectonics of civilizational development*. Kozlovsky V.V. (ed.). Moscow; St. Petersburg: FNISC RAN: 175–247 (in Russian).

Копосов Н. (2011) *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

Koposov N. (2011) *Memory of strict regime: History and politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Миллер А. (2012) Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. *Историческая политика в 21 веке*. Миллер А., Липман М. (ред.). М.: Новое литературное обозрение: 7–32.

Miller A. (2012) Historical Politics in Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century. In: *Historical Politics in the 21st Century*. Miller A., Lipman M. (eds.) Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 7–32 (in Russian).

Мухаметдинов Р.Ф. (2006) *Идейно-политические течения в постсоветском Татарстане (1991 — 2006 гг.)*. (Сопоставление с опытом Турции). Казань: Изд. «Тамга».

Mukhametdinov R.F. (2006) *Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991–2006)*. (Comparison with the experience of Turkey). Kazan: Tamga Press (in Russian).

Национальные истории в советском и постсоветских государствах (1999) Под ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.

National Histories in Soviet and Post-Soviet States (1999) Eimermaher K., Bordyugov G. (eds.). Moscow: Fridrich Naumann Foundation; AIRO-XX (in Russian).

Национальные истории на постсоветском пространстве (2009) Под ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX.

National histories in the post-Soviet space (2009) Bomsdorf F., Bordyugov G. (eds.). Moscow: Fond Fridriha Naumanna; AIRO-XX (in Russian).

Низамова Л.Р. (2001) Медиа-продукт и «национальная» идеология: кей-стади Всемирного конгресса татар. Ерофеев С.А., Низамова Л.Р. (ред.) *Пост-советская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг.* Казань: Изд-во КГУ: 166–233.

Nizamova L.R. (2001) Media product and “national” ideology: the case-study of the World Congress of Tatars. In: Erofeev S.A., Nizamova L.R. (eds.) *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan.* Kazan: KGU Press: 166–233 (in Russian).

Политика памяти в России — региональное измерение (2023) Под ред. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН.

Memory Politics in Russia — Regional Dimension (2023) Miller A.I., Malinova O.Y., Efremenko D.V. (eds.) Moscow: INION RAN (in Russian).

Сагитова Л.В. (1998) *Этничность в современном Татарстане: воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. (по материалам респ. прессы и этносоциол. исслед.)*. Казань: Татполиграф.

Sagitova L.V. (1998) *Ethnicity in modern Tatarstan.* Kazan: Tatpoligraf (in Russian).

Сергеев С.А., Сергеева З.Х. (2009). Татарский этнонационализм в республике Татарстан: от рассвета до заката. *Политэкс*, 5(1): 116–127.

Sergeev S.A., Sergeeva Z.H. (2009). Tatar ethno-nationalism in the Republic of Tatarstan: from dawn to dusk. *Politeks*, 5(1): 116–127 (in Russian).

Усманова Д. (2003) Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Ab Imperio*, 3: 337–360.

Usmanova D. (2003) Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century. *Ab Imperio*, 3: 337–360 (in Russian).

Хакимов Р. (2016) *Каково быть татариним?* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Khakimov R. (2016) *What's it like to be a Tatar?* Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT (in Russian).

Шнирельман В.А. (2002) Идентичность и образы предков: татары перед выбором. *Вестник Евразии*, 4: 128–147.

Shnirelman V.A. (2002) Identity and Images of Ancestors: Tatars in the Face of Choice. *Vestnik Evrazii* [Eurasia Bulletin], 4: 128–147 (in Russian).

Шнирельман В.А. (2016) «Общее прошлое»: федеральные и татарстанские школьные учебники истории. *Историческая экспертиза*, 4: 111–132.

Shnirelman V.A. (2016) “Common Past”: federal and Tatarstan school history textbooks. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 4: 111–132 (in Russian).

Alvarez Veinguer A. (2007) (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan. *Nationalities Papers*, 35(3): 457–475.

Anderson B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso.

Brubaker R. (2006) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.

Davis H., Hammond P., Nizamova L. (2000) Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood. *Nations and Nationalism*, 6(2): 203–226.

Friedli A. (2012) Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan. *Urbanities*, 2(1): 4–17.

Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Ithaca; New York: Cornell University Press.

Shnirelman V.A. (1996) *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press.

Suleymanova D. (2018a) Creative cultural production and ethnocultural revitalization among minority groups in Russia. *Cultural Studies*, 32(5): 825–851.

Suleymanova D. (2018b) Between Regionalisation and Centralisation: The Implications of Russian Education Reforms for Schooling in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 70(1): 53–74.

Zverev A. (2002) “The Patience of a Nation is Measured in Centuries”. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: Coppieters B., Huysseune M. (eds.) *Secession, History and the Social Sciences*. Brussel: VUB Brussels University Press: 69–87.

Источники

Воробьева Е. (2005) Петра I поставят на место. *Коммерсант. Волга-Урал*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/598727> (дата обращения: 12.10.2025).

Гилязов И.А., Пискарев В.И. (2012) *История Татарстана (вторая половина XVI — XVIII в.: учеб. пос. для 7 кл. общеобразовател. школы*. Казань: Хэтер.

Исхаки Г. (1991) *Идель — Урал*. Казань.

Семягин Д. (2015) Петр I и Казань: хитрые казанские «лоббисты», травля медведя и пропавший памятник. *Prokazan. Новости Казани*. URL: <https://prokazan.ru/news/view/petr-i-i-kazan-hitrye-kazanskie-lobbisty-travla-medveda-i-propavsij-pamatnik> (дата обращения: 12.10.2025).

Сулейманов Р. (2014) В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение. *Информационное агентство «Регнум»*. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 24.11.2023)

IMAGES OF PETER THE GREAT IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITE VERSIONS AND MASS HISTORICAL REPRESENTATIONS

Nikolay I. Karbainov (n_karbainov@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia

Citation: Karbainov N.I. (2025) Images of Peter the Great in post-Soviet Tatarstan: elite versions and mass historical representations. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 196–218 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.9> EDN: LHCUZQ

Abstract. Within the framework of the dominant version of Tatar national history, the intellectual elites of post-Soviet Tatarstan construct and broadcast a negative image of Peter the Great as a “persecutor of Muslims” and an “enemy of the Tatar people” into the mass consciousness. This version contradicts the images of Peter the Great as a “great emperor”, which are created and broadcast within the framework of the federal Russian history. The results of our research have shown, firstly, that representatives of the political elite of Tatarstan in their public speeches, unlike intellectual elites, positively assess the activities of Peter the Great; secondly, the analysis of interview materials and questionnaire survey shows that the majority of Kazan residents highly and positively assess the role of Peter the Great in the history of Russia and Tatarstan and the respondents consider Peter the Great primarily as a historical figure of all-Russian scale, and to a lesser extent as a personality who influenced the history of Tatarstan. Thus, the data obtained show that the negative assessments of Peter I’s activities given by the Tatar intellectual elite are poorly represented both in the views of the republic’s political elite and in the mass historical consciousness of Kazan residents, regardless of their ethnicity or age.

Keywords: historical policy, national history, mass representations, Tatarstan, Peter the Great.